

ТЕМА РОДНОЙ ЗЕМЛИ В “ВАСИЛИИ ТЕРКИНЕ” А.ТВАРДОВСКОГО

Значение темы родины в “Василии Теркине” отмечалось исследователями. “Судьба социалистической родины и ее народа является ведущим началом в “Книге про бойца”. Поэт не только воспроизводит картину исторической битвы нашего народа за освобождение нашей родины, но раскрывает в конкретных событиях и характерах – и это главное достоинство поэмы – диалектику этой борьбы, прослеживает процесс укрепления единства и нераздельности судеб советских людей и судеб Советского Союза” [1].

Если отвлечься от официально-советской лексики, и намек на которую нет в “Василии Теркине”, мы можем присоединиться к этому утверждению: ведущим и объединяющим началом в произведении является лирическая тема родной земли, освобождаемой солдатом. Задача нашей статьи – показать роль темы родной земли в произведении.

Так как пространственные категории, как правило, имеют тематические характеристики, мы будем сочетать тематический анализ с пространственным.

В “Василии Теркине” можно выделить четыре топоса: Россия, фронт, “зарецкая сторона” – часть России, оставленная немцам, – и Европа [2].

Основное пространственное понятие “Теркина” – топос России. Это имя собственное встречается в книге 17 раз – чаще, чем другие географические названия. И мы ведь не учитывали многократно встречающееся определение “русский”, слова “родина”, “родная земля”.

Топос России разворачивается во множестве локусов. Россия как государство, как страна, как отчизна раскрывается через локусы российских городов, речь о которых то и дело заходит в книге. Помимо Москвы (7 раз) упоминаются Сталинград (2 раза), Клин (2 раза), Тула, Тамбов, Харьков, Ростов, Псков, Елец и даже “населенный пункт Борки” (о Смоленщине речь пойдет особо). Во-первых, солдаты постоянно вспоминают родные места: “Ну-ка ты, псковской, елецкий / Иль еще какой земляк...” (215) [3], гордятся ими: “Что вы, – вскинул головой, – / Я как раз из-под Тамбова...” (98). Во-вторых, города вспоминаются как рубежи, как места боев: “Не Ростов им был, не Харьков, / Населенный пункт Борки” (126).

Один раз страна названа “Русь”. Ни разу не встречается в “Василии Теркине” название “Советский Союз”, хотя есть Украина, Белоруссия, Кавказ. Что это не случайность, подтверждает глава “О потере”. В середине

главы Теркин произносит, обращаясь к неудачливому бойцу, потерявшему кисет:

*Сколько лет живем на свете?
Двадцать пять! А ты – кисет!* (74)

Это разговор еще шуточный, разговор вращается пока вокруг солдатского быта. Но в конце главы Теркин вполне патетически говорит о невозможности потерять “Россию, мать-старуху”. И вновь задавая недавний свой вопрос “Сколько лет живем на свете?”, отвечает на него уже иначе:

Тыщу? Больше! То-то, брат! (76)

Топос России в “книге про бойца” воплощает все-таки не “социалистическую родину”, а “родную землю”. Россия определяется все время через одну и ту же метафору: матушка, мать родная, мать, мать-старуха. В книге упоминаются советская власть, ЦК, Калинин, сельсовет. Все это воспринимается как привычные и милые приметы родины, но защищает солдат все-таки “Россию – мать-старуху”.

Образ России-матери персонафицируется в третьей части книги, в главе “По дороге на Берлин”.

*Поздоровалась и встала,
Земляку-бойцу под стать,
Деревенская, простая
Наша труженица-мать.*

*Мать святой извечной силы,
Из безвестных матерей,
Что в труде неизносимы
И в любой беде своей...* (209)

Этот образ напоминает женщину с плаката “Родина-мать зовет”. Мать возвращается в освобожденную бойцами Россию, в Заднепровье, как бы символизируя своим возвращением освобождение “старухи-матери России”. Не случайно дорога, по которой едет женщина, окружена березами. Дерево это связывается в народном сознании с Россией:

*Ах как радостно и больно
Видеть их в краю ином!..* (211)

С топосом России связаны такие темы: 1) ее собственные рубежи (“Что там, где она, Россия, по какой рубеж своя?”); 2) национальная и государственная принадлежность солдат (“Все мы вместе – это мы, тот народ, Рос-

сия”); 3) высшая ценность и справедливость (“И Россия, мать родная, почесть всем отдаст сполна...”). Иначе говоря, Россия объединяет псковских, елецких и прочих солдат – как мать, как их общая ценность, и она же есть воплощение народа, то есть самих солдат. Россия, за которую они воюют, – мать-родина и народ, то есть они сами. Топос России утверждает органическую, кровную связь бойца с родиной.

Темы кровной связи бойца с родиной и тема изменения рубежей настолько важны, что каждая становится центральной в своем особом топосе. Рассмотрим эти топосы подробнее.

Тема рубежа раскрывается через топос фронта и прифронтовой полосы. Фронт – эпическое, фабульное пространство. Именно в этом топосе находится все время Теркин.

Изображение фронта связано с определенным строго очерченным локусом, меняющимся в зависимости от продвижения войск, но сохраняющим постоянные черты неблагополучия. Вот обычная картинка:

*На могилы, рвы, каналы,
На клубки колючки ржавой,
На поля, холмы – дырявой,
Изувеченной земли,
На болотный лес корявый,
На кусты – снега легли.* (38)

В главе “Генерал” фронт показан более развернуто – как граница и в то же время в виде отдельных локусов:

*Где-то бомбы топчут город,
Тонут на море суда...
Где-то танки лезут в горы,
К Волге двинулась беда...* (101-102)

За четкими фронтовыми локусами встает единый топос – рубеж, неписаная граница “поперек страны самой, / Что горит, горит в зарницах / Вспышек летом и зимой...” (115).

Стоит ли говорить, что герой в этом топосе постоянно соседствует со смертью, примеров можно приводить слишком много. Даже вдали от мест боев жизнь в этом топосе неблагополучна и близка к смерти:

*Курают, едут. Гроб – дорога.
Меж сугробами – туннель,
Чуть ли что, свернешь немного,
Как свернул – снимай шинель.* (54)

Основными эпическими темами в топосе фронта являются “смерть”, “награда”, “война” (“бой”).

Отношение Теркина к смерти амбивалентно. Теркин – “большой любитель жить”, противник смерти, упорно не поддающийся ей (в этом отношении наиболее примечательна глава “Смерть и воин”). С другой стороны, в рассуждениях Теркина (и автора) часто звучит мотив готовности солдата к смерти. Это второе значение тесно связано с темой “родной земли”.

В главе “О войне”, наиболее декларативной в книге, то есть просто разъясняющей позицию автора и Теркина (а их позиция едина), соотношение смерти и “родной земли” объяснено так:

*А война – про все забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь,
Дан приказ: “Отставить!”
<...>
От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе – это мы,
Тот народ, Россия.* (35-36)

Выше мы уже отмечали, что кровная связь солдата с Россией является главной характеристикой топоса России. Потеря “родной земли” означает духовную смерть солдата [4]. Гибель же солдата на войне (“потерять башку” – так это называет Теркин) – это его физическая смерть. Градация ценностей на этой шкале отчетливо выражена в главе “О потере”:

*Потерять башку – обидно,
Только что ж, на то война.
<...>
Но Россию, мать-старуху,
Нам терять нельзя никак.* (75)

Неразрывная связь солдата с Россией означает и связь поколений, продолжение в будущем, после физической смерти солдата:

*Наши деды, наши дети,
Наши внуки не велят.* (76)

Связана с темой родной земли и другая важная тема топоса фронта – “награда”. Слава, награда приятны и желанны солдату. Однако по мере взросления Теркина, сближения его с автором [5], отношение его к награде становится все более легким (ср. главы “О награде” и “Генерал”). Такое отноше-

ние вырастает из сопоставления темы награды и темы родной земли. Награда, слава – милые пустяки в сравнении с жизнью и смертью, противостояние которых постоянно чувствует солдат на фронте:

*Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы –
Ради жизни на земле.* (34)

Война отождествляется в книге со смертью. Если Россия – синоним жизни солдата, то война – синоним смерти. “Есть приказ: умри!.. – Умрет.” – говорит автор о поведении солдата на войне. И даже при отсутствии такого приказа, в буднях войны, солдат лишен возможности обычной человеческой жизни:

*...не может испокон
Без приказа командира
Ни сменить свою квартиру,
Ни сменить портянки он.*

*Ни жениться, ни влюбиться
Он не может, – нету прав...* (87)

Наконец, автор прямо противопоставляет войну жизни:

*Друг-читатель, я ли спорю,
Что войны милее жизнь?* (87)

Война здесь антоним жизни. Топос фронта, как дамба, удерживает напряжение между жизнью и смертью.

Итак, топос фронта – это место, где идет борьба между жизнью и смертью, это рубеж смерти, та линия, на которой осуществляется переход жизни к смерти. Солдат в этом топосе, отстаивая Россию (жизнь поколений и нации, жизнь своей семьи и свою судьбу – ее осуществление в будущих поколениях), рискует подвергнуться физическому уничтожению. Он сознательно идет на эту жертву, во имя предотвращения большей беды – потери “родной земли”, а значит, потери своей судьбы и себя как личности.

Топос фронта – смертельная полоса, на которой происходят события, решающие судьбу родины, – делит Россию на две части: на то, что автор называет Россией – это свободная от захватчиков советская земля, – и на то, что автор называет “зарецкой стороной” – это земля, захваченная врагом.

Топос “зарецкой стороны” по одному из замыслов автора также должен был стать фабульным. Основой сюжета второй части должно было стать партизанское движение на Смоленщине. Некоторые отрывки о жизни Тер-

кина за линией фронта были уже опубликованы. В этих отрывках тема “зарецкой стороны”, жизни на оккупированной территории, выступает как эпическая тема, а топос “зарецкой стороны” становится фабульным пространством.

Отказ от изображения вражеского тыла А.Твардовский объясняет нежеланием “свести книгу к какой-то частной истории”, лишить ее “фронтной всеобщности содержания” [6]. Иначе говоря, он боялся сделать книгу слишком личной и, значит, камерной, не всенародной. Тема “зарецкой стороны” была для него глубоко личной, она неразрывно сливалась с родной Смоленщиной. Однако оставляя вне книги партизанские впечатления Теркина – рассказ старика о жизни в немецком плену, песенку о судьбе смоленской крестьянки – Твардовский записывает в рабочей тетради: “От фронта отрываться нельзя. Пусть все смолецкое только звучит в нем неутихающей нотой” [7]. Так возникает замысел связать со Смоленщиной в книге не эпическую тему, а лирическую.

Введение в книгу темы “малой родины” Твардовский пробует обосновать в вариантах очередной главы “От автора”. После слов “На войне душе солдата / Сказка мирная милей...” шло:

*Сказка-быль о женах, семьях,
Об огнях столиц и сел,
О родных советских землях,
По которым враг прошел.*

*О какой-нибудь Колодне,
нынче спаленной дотла,
О гулянке среди села,
О судьбе, что в гору шла,
О той жизни, что была,
За которую сегодня
Жизнь отдай – хоть как мила.*

*Вот что нам всего дороже,
Вот за что и в бой идешь,
Вот чем сердце растревожить
Мог бы каждому...*

(323)

Колодня – пригород Смоленска, где некоторое время жил Твардовский, – выступает здесь в обобщенном значении. “Какая-нибудь Колодня” – это почти условное название лобого из советских городков и деревень. Ничто не указывает на родственную близость к ней поэта, даже глагольные формы избирают-

ся такие, чтобы не указать на конкретное лицо: прошедшее время, повелительное наклонение, 2-е лицо в обобщенно-личном значении [8].

Выраженная в стихах о Колодне мысль о том, что память о родных местах бесконечно дорога солдатам, что судьба страны и личная судьба слиты – во многом проясняет значение лирической темы “малой родины” в книге.

Топос “зарецкой стороны” фактически сливается в “Василии Теркине” со Смоленщиной. Названия, связанные со Смоленщиной, встречаются в книге 12 раз. (Это кроме рек. О реках речь пойдет особо).

Тема Смоленщины представлена в книге неравномерно. Необычные условия работы над “Василием Теркиным”, отсутствие твердого плана сказались и на развитии смоленской темы. О землячестве Теркина и автора читатель не знает почти до середины книги. Смоленщина впервые упоминается в главе “О награде” – седьмой по счету. Зато уже с первых глав входит в книгу тема безымянной “зарецкой стороны”. В главе “На привале” тяжкий сон о “своей земле”, оставленной врагу, забирает у Теркина автор, выделяя это первое в книге лирическое отступление сменой ритма – иным чередованием клаузул. В главе “Перед боем” о зарецкой стороне говорит сам Теркин. В этих главах нет упоминаний о Смоленщине. Но в дальнейшем, во второй и третьей частях, “зарецкой стороной” называется Смоленщина.

В главе “О награде” автор впервые называет Смоленский край родиной своего героя, как бы внося поправку в рассуждения Теркина, представляющего в мечтах родные места так, будто война не коснулась их, а только его, солдата:

*Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.
А не носит письма почта
В край родной смоленский твой.*

*Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что туда дороги нет.*

(51-52)

Смоленский край уж при первом упоминании не просто обозначение родины Теркина, он входит в книгу как больная тема растоптанных врагом родных мест.

В следующей главе, “Гармонь”, вновь, хотя еще тоже несмело, упоминается Смоленщина. Самый первый мотив, который вырывается из-под пальцев взявшего гармонь Теркина, – “стороны родной Смоленской грустный памятный мотив”. В сцене игры на гармонии Теркин впервые полностью сли-

вается с автором. Теркин играет о том же, о чем пишет книгу автор: о родной стороне, потом о товарищах-солдатах. Потом старается внушить бодрость своей игрой. Так же, как это свойственно автору (например, в главе “О себе”), Теркин извиняется за лиризм:

*Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу.* (58)

Наконец, оценку Теркиным своей игры повторит автор в заключительной главе, взяв в кавычки как высказывание Теркина и полностью применив к себе, к своей книге.

Этими двумя случаями исчерпываются упоминания о Смоленщине в первой части. Нет их и в вариантах. Более того, в двух изданиях 1944 года Твардовский именно эти строчки пробует из книги исключить. Можно думать, что, когда писалась первая часть “Василия Теркина”, у Твардовского не было намерения включить в книгу тему Смоленщины, роднящую героя и автора. Замысел этот возникает в связи с работой над второй частью “Теркина”.

В главе “О герое”, тесно связанной с главой “О награде” из первой части, уже сам Теркин рассказывает о своем смоленском происхождении:

*Ты – тамбовский? Будь любезен,
А смоленский – вот он я.* (99)

Теперь уже не о том, чтобы погордиться медалью в родной деревне, думает Теркин. Тема славы, награды соотносится с темой родной земли и противопоставляется ей. Через книгу последовательно проводится мысль о борьбе не за славу, а за нечто значительно более важное – за родную землю, за жизнь:

*Мне не надо, братцы, ордена,
Мне слава не нужна,
А нужна, больна мне родина,
Родная сторона!* (100)

Эти слова вспомнит читатель в следующей главе (“Генерал”): у Теркина “дрогнули ладони / рук, протянутых по швам”, не тогда, когда генерал вручал ему орден, а когда заговорил о возможности посещения родных мест.

В следующей за “Генералом” главе “О себе” дается лирическое отступление о родных местах. Довоенный мирный лес описан с поразительно конкретными деталями: звуки, запахи, свежесть и чистота листвы, полдневная жара. Конкретны и другие воспоминания детства – вплоть до имени учителя. Названий описываемых мест автор не дает. Однако в конце этой главы

впервые называет себя земляком Теркина. Читатель может не помнить, что Теркин смолянин, но и сам по себе мотив землячества очень важен: впервые автор сообщает о своем сходстве с героем, сближает их землячество.

В дальнейшем автор, Теркин, эпизодические образы солдат сливаются или выступают обобщенно-символически. Чувство единения вырастает из общей беды. Родина же при этом то предельно конкретизируется как Смоленщина, то предельно обобщается. Приведем несколько примеров.

Лирическая тема родной стороны связывает главу “О себе” со следующей – “Бой в болоте”. Здесь, напротив, название места, за которое идет бой, повторено много раз. Но это название ни о чем не говорящее:

*...Некий, скажем ныне,
Населенный пункт Борки.* (118)

Это не авторские и не теркинские родные места. Автор даже подчеркивает их от себя отчуждает:

*И подумать вдруг, что кто-то
Здесь родился, жил, работал,
Кто сегодня на войне.* (118)

Однако при этом солдат-уроженец Борков “земляк, ровесник, брат” автору [9]. Образ солдата из Борков сливается с автором так же, как часто сливается Теркин. Краткое описание многострадальной земли, превратившейся в “место черное одно”, упоминание о детстве на этой земле солдата, “деревенского пастушка”, пронизано тем же лирическим чувством, что и рассказ о собственном детстве, о родном крае в предыдущей главе.

В главе “На Днепре” “речь к родимой стороне”, местами повторяющая признания автора из главы “О себе”, отдана Теркину. В отличие от автора Теркин называет родные места поименно:

*Здравствуй, Ельня, здравствуй, Глинка,
Здравствуй, речка Лучеса...* (189)

Твардовский не включил в окончательный текст те варианты главы, где были противопоставления Смоленщины другим областям, но признание Теркина в особой любви к родной Смоленщине оставил:

*Мать-земля моя родная,
Я твою изведал власть,
Как душа моя больная
Издали к тебе рвалась!* (189)

Это одна из тех глав, где Теркин наиболее близок автору. Он даже больше напоминает автора, чем себя из главы, например, “О награде”.

В главе же “Про солдата-сироту” Теркин и автор как бы сливаются в образ солдата, потерявшего семью. Этот образ родственен всем персонажам книги – не только автору и Теркину, но и солдату-уроженцу Борков (в начале главы Борки дважды упоминаются), и обобщенному образу солдата, который часто возникает в книге:

*В сорок первом окруженный,
По земле он шел родной.* (198)

Трудно понять – автор или Теркин характеризует солдата-сироту:

*Был земляк не стар, не молод,
На войне с того же дня,
И такой же был веселый,
Наподобие меня.* (198)

Он тоже брал Борки. Как Теркин, он дважды ранен. Он повторяет те же слова, выходя из окружения.

При предельной обобщенности, при сходстве со всеми образ очень конкретен. В подробностях передан разговор солдата с командиром. В деталях описано возвращение солдата в батальон. Названы его родные места: деревня Красный мост, под Смоленском.

А посещение солдатом сожженной деревни очень напоминает известную фотографию 1943 года, где Твардовский в шинели, сняв фуражку, стоит у обгорелого пня на месте сгоревшего отцовского дома:

*У дощечки на развилке,
Сняв пилотку, наш солдат
Постоял, как на могилке...* (201)

Похож и окружающий пейзаж: “Глушь, бурьян солдату в рост...”.

Теркин, автор, их земляк-сирота, сливающиеся в один образ, и солдат-уроженец Борков связаны по принципу дополнительности. Борки, превратившиеся в “место черное одно”, возможно, придется увидеть деревенскому пастушку из Борков так же, как солдат-сирота увидел лишь бурьян да табличку “мол, деревня Красный мост” на месте своего дома. Каждая сожженная в боях деревня – родина какого-то солдата.

Таким образом, Смоленщина выступает в функции “малой родины” каждого советского солдата. Локус Смоленщины становится локусом родного дома солдата.

Как уже было сказано, Смоленщина – основной локус топоса “зарецкой стороны”. Через Смоленщину “зарецкая сторона” становится родственно близка каждому солдату. Она воплощает его родной дом и неразрывно связанную с ним личную судьбу солдата. Это подчеркивается эпитетами. Если Россия – “родная”, то “приднепровский отчий край” – “родимый”. Когда же к “зарецкой стороне” берется эпитет “родная”, обычно добавляется еще “моя” – “сторона моя родная”. Таким образом подчеркивается особая родственность солдату “малой родины”.

Второе свойство “зарецкой стороны” связано с ее названием. Почему автор ее все время называет “зарецкой”?

К теме реки при изображении захваченной немцами родной земли автор возвращается часто. 14 раз назван в книге Днепр (а Волга, например, только 5). Автор не забывает и другие реки Смоленщины – Угру, Лучесу. Реке в топосе “зарецкой стороны” придается особое значение.

К лесной речке обращается Теркин с просьбой пробраться “под проволокой колючею” в родной край и сообщить матери, что “жив сынок”. Когда начинается наступление, приводится такая деталь: “Пограничных речек воду / Мы с боями перешли.” И когда описывается победное шествие по Германии, опять неоднократно вспоминаются русские реки – как оставленные в безопасности.

Образ этот имеет фольклорные и мифологические корни. В мифологии река отделяет царство мертвых от царства живых. В одном из вариантов главы “На Днепре” имеются строки, через много лет использованные в стихотворном цикле “Памяти матери”:

*И казалось, что прощалась
Навек с матерью родной,
Если замуж выходила
Девка на берег другой...* (377)

В этом цикле, подтекстом которого является народная песня, река соотносится с рекой в царстве мертвых, а “перевозчик-водогребщик, парень молодой” оборачивается в конце “старичком седым” – Хароном:

*Перевозчик-водогребщик,
Старичок седой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону – домой...* (159) [10]

В этом стихотворении автор вспоминает о реке не только в связи со смертью матери, но и раньше – в связи с ее ссылкой: “Там текла река другая – / Шире нашего Днепра...” Место ссылки, “край света”, соотносится здесь с

“тем светом”, царством мертвых. И точно так же соотносится с царством мертвых “заречья сторона” в “Василии Теркине”. Поэтому такое значение при дается в книге переправам.

В народных песнях часто возникает образ реки как преграды, как разлучницы [11]. Разлучница, преграда и река в “Василии Теркине”. В главе “Переправа” “берег правый, как стена”. В наступлении бойцы идут “Через речки и речонки / По мостам и вплавь, и вброд...”. Особое значение при дается боям за Днепр.

Одновременно развивается образ реки-помощницы, также имеющий давнюю фольклорную и литературную традицию. “В амбивалентной символике воды воплощаются одновременно силы жизни и царство смерти” [12]. В сказке “Гуси-лебеди” река укрывает детей от злых гусей-лебедей. В “Слове о полку Игореве” Ярославна наряду с ветром и солнцем обращается к Днепру, прося его помочь раненому Игорю. В книге Твардовского река – символ разлуки героя с родной стороной, и этот же образ имеет дружественное значение: река – своя, она заодно с героем. При наступлении “ребятам берег правый / Свесил на воду кусты”. К лесной речке обращается Теркин с просьбой связать его с родным селом и с матерью. Река выступает здесь в роли посредника между мирами. “Природные свойства воды в контексте традиционной культуры переосмыслены как магические. Разнообразные мифологические связи воды с потусторонним миром позволяют рассматривать ее как универсальный медиатор. В роли посредника между мирами вода выступает не только в обширных комплексах аграрных и переходных обрядов, но и в магической практике – прежде всего в гаданиях и заговорах” [13].

Итак, топос “заречья стороны” обладает такими свойствами: он родственно близок бойцу; он объединяет бойцов как символ их дома, “малой родины”; он находится за чертой временной смерти. Задача бойца – помочь “родной стороне”, вернуть ее к жизни и тем самым вернуться к жизни самому.

Топос Европы присутствует в книге номинально. Берлин назван 7 раз, Тильзит – 1, Европа – 1. Упомянуты “брат-француз, британец-брат, брат-поляк”, а также “девушки немые”, то есть немки. Конечно, слова “немец”, “немецкий” часто возникали на протяжении книги. Но если раньше эти слова были синонимами слова “враг”, то “немые девушки” названы с сочувствием.

Европа – “чуждый край краснокирпичный”, разрушенный войной. В целом же Европа мало интересует Теркина, как и автора. Теркин ощущает себя не столько в Европе, сколько “у колес” матери-России. В Европе автор, Теркин, бойцы продолжают чувствовать себя сражающимися за свое село, свой дом. Глава “Генерал” с заключительными строчками, оставшимися от первоначального замысла отправить Теркина в тыл к немцам:

*И бойцу за тем порогом
Предстояла путь-дорога
На родную сторону
Пряником через войну.* (110) –

и в окончательном варианте сохранила ключевое значение для развития темы. К этим строчкам возвращается автор то и дело во второй и в третьей частях книги:

*И до отчего порога
До родимого села
• Через то село дорога –
Не иначе – пролегла.* (145)

И даже перейдя границу, солдат все равно движется к родной земле:

*Воин твой, защитник-сын,
Шел, спешил к тебе, родная,
По дороге на Берлин...* (207)

Итак, тема родной земли пронизывает все топосы “Василия Теркина” – России, фронта, “заречкой стороны”, Европы. В каждом из топосов она раскрывается по-своему, с разной степенью конкретности. Топос России – обобщающий для фронта и “заречкой стороны”. В этом топосе кровная связь солдата с родной землей и важность сохранения ее рубежей заявляется как идея, которая потом вполне конкретно раскрывается в топосах фронта и “заречкой стороны”.

В топосе фронта тема родной земли раскрывается через темы смерти, славы, войны. Это фабульный топос книги, события “Василия Теркина” развиваются именно здесь. В этом топосе солдат отстаивает жизнь поколений и нации, а значит и свою личную судьбу в будущих поколениях.

Топос же “заречкой стороны” – место, находящееся за границей временной смерти, – объединяет бойцов как символ дома. Топос этот, как и образ главного героя, то предельно обобщается, то предельно конкретизируется.

Твардовский обозначил жанр “Василия Теркина” необычно – “книга про бойца”. “Вопрос о жанровом своеобразии произведения и о его сюжете – один из самых сложных”, – пишет А.Л.Гришунин [14].

Тема “родной земли” группирует вокруг себя основные эпические темы произведения. Фабульная часть сосредотачивается на таких темах как “бой” (“война”), “награда” (“слава”), “смерть”. Вступая с ними в соотношение, объединяя их в единый сюжет, через всю книгу проходит лирическая тема

родной земли. Будучи включена в сюжет “книги про бойца”, лирическая тема родной земли скрепляет и дополняет фабульные мотивы. Таким образом, она компенсирует отсутствие фабульного единства произведения

Примечания:

1. Выходцев П.С. Александр Твардовский – М., 1968 – С.171.
2. Мы будем опираться на определения топоса и локуса в книге: Баевский В.С. Сквозь магический кристалл. – М., 1990. – С.98.
3. Твардовский А.Т. Василий Теркин. Книга про бойца. – М., 1978 (Лит. памятники) Цифра здесь и далее означает страницу.
4. “Понимание смерти личностью (...) не всегда подразумевает исключительно физическую кончину.” (Макарова Л.М. Смерть в мировоззрении национал-социализма. // Смерть как феномен культуры. – Сыктывкар, 1994. – С.146-147.
5. “Образ Теркина претерпел глубокую эволюцию. Сквозь черты героя проступает лицо самого автора.” (Кондратович А. Александр Твардовский: Поэзия и личность. – М., 1985. – С.132.)
6. Твардовский А. Как был написан “Василий Теркин (Ответ читателям). // Твардовский А. Василий Теркин: Книга про бойца. – М., 1976 (Лит. памятники. – С.266).
7. Гришунин А.Л. “Василий Теркин” А.Твардовского. // “Василий Теркин: Книга про бойца (Лит. памятники) – С.500.
8. Как видно из воспоминаний жены поэта, и в таком виде эти строчки казались А.Твардовскому слишком личными. “...за этими строками стояла тень прошлого. А то, что казалось ему только личным, что составляло глубинную жизнь души, не часто выносилось наружу” (Твардовская М.И. Колодня. // Воспоминания об А.Твардовском. – М., 1978. – С.48).
9. Точно так же солдат, похожий на Теркина, в последней главе обращается к другому солдату: “Ну-ка ты, псковской, елецкий / Иль еще какой земляк. ”.
10. Твардовский А. Собр.соч.: В 6 т. Т.3 – М., 1978.
11. См., например, песни под номерами 131, 149, 156 в сборнике: Русские народные песни, – М., 1957.
12. Хельберг-Хирн Е. Живая и мертвая вода. // Смерть как феномен культуры. – Сыктывкар, 1994. – С.151.
13. Там же – С.153.
14. Гришунин А.Л. “Василий Теркин” А.Твардовского. – С.451.